

Онъ любилъ читать. Послѣ смерти жены онъ съ какою-то болѣзненною страстностью набросился на чтеніе и, какъ говорили въ Н., «дочитался и зачитался»... Вѣрно во всякомъ случаѣ, что «съ этого самого» у Льва и начались пьянство и обличенія. Читалъ онъ исключительно церковныя книги; въ нихъ искала его страдающая душа отвѣтовъ на какіе-то наболѣвшіе вопросы... Нашелъ ли онъ эти отвѣты? Не знаю; вѣдь я былъ тогда маленькій мальчикъ и совсѣмъ ничего не понималъ, только чувствовалъ по временамъ какую-то нескладицу...

Пусть, что Льва не любили тѣ, кого онъ обличалъ, кому его громкій голосъ, ненавистью отравленный смѣхъ не давалъ спокойно спать. Но его не любили, боялись даже собственныя дѣти, даже та отверженная голытьба, выброшенная за борты жизни, голытьба, которой онъ могъ служить истымъ представителемъ. Эта униженная и обиженная голытьба, вслѣдствіе смаковавшая бурные потоки Левкиныхъ обличеній, доставлявшая ему то и дѣло свѣжей матеріалъ для нихъ, про себя ихъ повторявшая съ безчисленными и еще болѣе подчасъ рѣзкими комментаріями, — тѣмъ не менѣе съ цѣной у рта набрасывалась на Левку, лишь только заходила о немъ рѣчь, и буквально разрывала его въ клочки. Левъ-то все-таки, конечно, цѣль оставался послѣ этой жестокой «критики»: довольно мудрено было его уничтожить, даже соединенными усиліями всѣхъ Н-скихъ кумушекъ, если ужъ не могли этого сдѣлать мировой и кутузка. Но меня всегда это глубоко поражало по одной, такъ сказать, спеціальной причинѣ. Дѣло въ томъ, что какъ я ни былъ малъ и, стало быть, сообразно съ возрастомъ глупъ, но тѣмъ не менѣе и я въ силахъ былъ понять, что, вѣдь не смотря на всю глубину своего нравственнаго паденія, Левъ все-таки головой выше всей окружающей его мелюзги. И если бы мелюзга злобно казнила эту силу, издѣвалась надъ ней, и этими насмѣшками и бранью старалась низвести ее до мелкоты и приниженности собственнаго уровня, какъ это и дѣлали иные, это бы я понималъ, какъ понималъ язвительныя, шипящія злобой рѣчи на этотъ счетъ своей квартирной хозяйки. Точно также былъ понятенъ обывательскій смѣхъ надъ «обанкротившимся» купцомъ, другой Н-ской «притчей во языцѣхъ», не нашедшимъ ничего лучшаго послѣ краха какъ прикинуться «блаженненькимъ». Вѣдь и со Львомъ случился какой-то крахъ. Вѣдь и онъ когда-то жилъ скромно и гордо, держалъ нѣсколькихъ рабочихъ; его сапогами хвалился цѣлый уѣздъ. Онъ выстроилъ себѣ хорошенькій домикъ и начиналъ богатѣть, такъ что даже подумывалъ бросить колокольню